

5. Новожиллов В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Экономика, 1967.
6. Новожиллов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Наука, 1972.

Поступила в редакцию
30 VI 1989

Василий Сергеевич НЕМЧИНОВ

Баранов Э. Ф.

(Москва)

В жизни каждого научного работника едва ли не решающее значение имеют самые первые, начальные годы творческой деятельности, когда формируются принципы и навыки самостоятельной исследовательской работы, вырабатываются нравственно-этические нормы взаимодействия с коллегами на все последующее время. И с этой точки зрения тем из нас, кому пришлось работать в Лаборатории экономико-математических методов АН СССР в 1958—1964 гг., посчастливилось пройти эту часть жизни рядом с Василием Сергеевичем Немчиновым (1894—1964).

Роль В. С. Немчинова в советской экономической науке достаточно полно раскрыта во множестве публикаций, 90-летию со дня его рождения специально был посвящен первый выпуск нашего журнала за 1984 г. Прекрасно известна его роль в становлении экономико-математического направления, развитии статистической теории и ряда других направлений экономической науки. Шеститомник собрания сочинений Василия Сергеевича и сегодня, через 25 лет после его кончины, дает поучительнейшие примеры и образцы методологии научного исследования, подходов к изучению реальных явлений экономической жизни. Многие из этих подходов не только не утратили своей актуальности, но и заслуживают возрождения (особенно в части статистических работ) при исследовании далеко не ординарных проблем очень сложных и противоречивых тенденций современного развития нашей экономики.

Венцом его творчества стали статья «Социалистическое хозяйство и планирование производства» («Коммунист». 1964. № 5) и работа «О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством», изданная в 1965 г. Его идеи о путях развития социалистического хозяйственного механизма настолько своевременны и актуальны, что переиздание указанной статьи в журнале «Коммунист» (1987. № 11) выглядит как материал, только что вышедший из-под пера автора. Это едва ли не единственный прецедент для того поколения советских экономистов, основные годы работы которых пришлось на период трагических деформаций в жизни нашего государства, практически уничтоживших творческую мысль.

Интерес к экономико-математическому моделированию, возникший у Василия Сергеевича во второй половине 50-х годов, был естественным следствием его стремления к постоянному совершенствованию методологии научного познания. На седьмом десятке лет он со студенческим энтузиазмом приступил к изучению высшей алгебры и линейного программирования. Активность В. С. Немчинова в организации экономико-математических исследований в тот период потребовала от него большого мужества, поскольку господствующие тогда представления связывали применение математики в экономике исключительно с вульгарными буржуазными научными школами. Готовых кадров для развития нового научного направления не было.

Василий Сергеевич создавал свою Лабораторию в основном из выпускников вузов, проявивших интерес к новой науке и, как правило,

самостоятельно постигавших ее азы, а также из молодых математиков, решивших испытать свои способности в сфере экономики. Удачный «сплав» с молодежью составили и более зрелые ученые (М. М. Голанский, Б. Н. Михалевский, Б. Л. Исаев, В. А. Волконский, В. Ф. Пугачев и др.), а также уцелевшие в сталинских лагерях и ссылках старейшины тех ветвей советской экономической науки, которые были жесточайшим образом обрублены в конце 20-х — начале 30-х годов (Альб. Л. Вайнштейн, Л. Е. Минц).

Разными путями попадала молодежь в немчиновскую Лабораторию. В моей судьбе большую роль сыграли преподававшие в конце 50-х годов в Московском государственном экономическом институте Л. А. Козлов и Б. М. Смехов, поощрявшие мое увлечение методом межотраслевого баланса. Л. А. Козлов предложил мне и двум моим сокурсникам пройти преддипломную практику в одном из немногих тогда коллективов, ведущих экономико-математические исследования. Нас пригласили на собеседование, где был устроен «экзамен» по широкому кругу экономических проблем, призванный, как мы ощутили, продемонстрировать полное превосходство «экзаменаторов» над несмышленными студентами. И хотя, как мне после передали, я был единственным, кто «экзамен» выдержал, никакого желания связывать свою дальнейшую судьбу с этой организацией у меня не возникло. Затем нам была предложена практика в Лаборатории В. С. Немчинова. Легко себе представить наши опасения после такой «проработки» оказаться в коллективе, возглавляемом ученым с мировым именем, одно упоминание фамилии которого приводило нас в священный трепет! И какова же была наша радость, когда уже при самой первой встрече с сотрудниками Лаборатории к нам была проявлена искренняя доброжелательность, ровное товарищеское отношение! Столь длинное отступление сугубо личного характера я сделал для того, чтобы подчеркнуть ту атмосферу, которая царил в Лаборатории, а она в решающей роли, конечно же, зависела от самого руководителя и его жизненной позиции.

Одна из характернейших черт Василия Сергеевича — демократизм в общении и уважение к своим сотрудникам. В беседах с каждым из нас, на совещаниях и семинарах он умел создавать такую обстановку, при которой как бы исчезало то огромное расстояние, которое естественно отделяло маститого ученого с огромным багажом знаний от вчерашних студентов.

У Василия Сергеевича было правилом каждую написанную им в то время новую работу по вопросам экономико-математического моделирования отдавать на прочтение молодым сотрудникам с просьбой сообщить свое мнение и замечания. Такими поручениями мы очень гордились и были счастливы, если наши предложения учитывались В. С. Немчиновым.

Василий Сергеевич умел по-отечески и ненавязчиво воспитывать и укреплять у своих коллег высокое чувство собственного достоинства как ученого. Однажды один из сотрудников Лаборатории посетовал ему на то, что он поделился с молодым ученым из другой организации идеями подхода к моделированию, а его собеседник использовал эту идею в своей публикации без ссылки на него. Реакция В. С. Немчинова была очень интересной: украсть можно только у нищего, пусть у меня возьмут любую идею, я завтра придумаю еще лучше и оригинальнее! Конечно, из этого не следует позиция «непротивления» плагиату: Василий Сергеевич не считал для себя возможным «опускаться» до уровня выяснения отношений с людьми, проявляющими моральную нечистоплотность.

Для Василия Сергеевича огромную роль играла нормальная нравственно-этическая обстановка в возглавляемом им коллективе. Он неоднократно говорил, что предпочтет не принять на работу гения, чем допустить в коллектив подлеца.

Такая позиция Василия Сергеевича вдохновляла нас на научный поиск, укрепляла уверенность в своих способностях. И это умение В. С. Немчинова создавать атмосферу творческого содружества и искрен-

него товарищества является одним из важнейших уроков, которые мы вынесли из работы под его руководством.

Высокая научная принципиальность Василия Сергеевича органически сочеталась с уважением к оппонентам. У него всегда находили поддержку талантливые произведения других ученых даже тогда, когда он в чем-то с ними не соглашался. Ярким примером может служить то упорство и огромные усилия, которые В. С. Немчинов приложил для опубликования выдающихся работ Л. В. Канторовича и В. В. Новожилова, написанных еще в начале 40-х годов и увидевших свет лишь в конце 50-х.

Высокую требовательность предъявлял Василий Сергеевич к научному уровню и качеству работ своих учеников и сотрудников, иногда по нескольку раз перечитывая их и заставляя вновь и вновь переделывать уже написанное. Обладая высочайшей культурой статистической обработки данных, он совершенно не выносил небрежности в оформлении таблиц. Сегодня с сожалением приходится констатировать, что берущее свое начало еще от земской статистики (школу которой в юности прошел В. С. Немчинов) искусство обработки информации все больше и больше утрачивается, а это наносит серьезный ущерб глубине и аналитической ценности работ по изучению реальных экономических процессов. Без возрождения этой культуры не спасут самые изощренные приемы экономико-математической обработки данных с помощью самой современной вычислительной техники.

Научную добросовестность и принципиальность Василий Сергеевич проявлял в течение всей своей жизни. Это наглядно подтверждается не только его инициативой в развитии экономико-математического направления, но и бескомпромиссной позицией на сессии ВАСХНИЛ 1949 г., где подверглась разгрому отечественная генетика. Эти примеры из биографии В. С. Немчинова широко известны.

В настоящее время, по мере того как становятся достоянием гласности все больше и больше фактов нашего трагического прошлого в 20—50-е годы, на которые пришлось большая часть жизни В. С. Немчинова, происходит мучительная переоценка многих событий тех лет. Общественным наукам, и прежде всего исторической и экономической, предстоит колоссальная работа по восстановлению действительной картины пройденного нами пути. Для трезвого научного анализа требуется значительное время, исследование огромных объемов ранее не доступной информации. Пока же преобладают эмоциональные оценки публицистического плана, и при всем высоком нравственном значении ведущихся поисков иногда допускаются перекосы и неверные обобщения. Кое-кто предъявляет В. С. Немчинову упрек в экономическом обосновании приведшего к неисчислимым бедствиям крестьянства «великого перелома» и сплошной коллективизации в 1929—1930 гг., якобы вытекающем из составленной им сравнительной таблицы товарности хлебного производства до войны и в 1926/27 г., на которую сослался Сталин в речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. [1, с. 157—158]. Между тем эта таблица первоначально была приведена в статье Сталина «На хлебном фронте» от 2 июня 1928 г., где оговаривался ее приблизительный характер. Ничего, кроме констатации реального факта сокращения товарности хлебного производства в 1926/27 г. из-за повышения доли середняцких и бедняцких хозяйств после революции, таблица не содержала (см. таблицу) [2, с. 85].

К каким же выводам в 1928 г. пришел Сталин из анализа этой таблицы? Они сводились к тому, чтобы в течение 3—4 лет повысить объем товарного хлеба, получаемого: от колхозов — до 100 млн. пудов (по сравнению с примерно 16 млн. пудов в 1927 г.); от совхозов — до 80—100 млн. пудов (по сравнению с примерно 29 млн. пудов в 1927 г.); от мелких и средних индивидуальных хозяйств — дополнительно не менее 100 млн. пудов [Там же, с. 89—92]. При этом ставилась задача «систематически поднимать урожайность средних и мелких индивидуальных крестьянских хозяйств... эта задача должна выполняться с такой же настойчивостью, с какой будут выполняться первые две задачи — задача о колхозах и задача о совхозах» [Там же, с. 91]. И затем, 20 июня 1928 г.,

	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		% товарности
	млн. пудов	%	млн. пудов	%	
До войны:					
1. помещики	600	12,0	281,6	21,6	47,0
2. кулаки	1900	38,0	650,0	50,0	34,0
3. середняки и бедняки	2500	50,	369,0	28,4	14,7
Итого	5000	100	1300,6	100	26,0
После войны (в 1926/27 г.):					
1. совхозы и колхозы	80,0	1,7	37,8	6,0	47,2
2. кулаки	617,0	13,0	126,0	20,0	20,0
3. середняки и бедняки	4052,0	85,3	466,2	74,0	11,2
Итого	4749,0	100	630,0	100	13,3

Сталин писал: «Центр тяжести остается на данной стадии в области дальнейшего поднятия индивидуального мелкого и среднего крестьянского хозяйства» [Там же, с. 123].

Совершенно очевидно, что публичные заявления Сталина в тот период не отходили от курса XV партийного съезда. Ревизия этих решений, переход к «великому перелому» произошли полтора года спустя. И в оправдание этой ревизии Сталин привлек не только данные таблицы В. С. Немчинова, но и кощунственно ссылаясь на ленинский кооперативный план.

Оценивать публикации, вышедшие десятилетия назад, правомерно лишь с учетом всей сложности ситуации того времени, а не только с позиций сегодняшнего дня. Кстати, в опубликованной в 1930 г. работе «Советская деревня накануне развернутого социалистического наступления», в которой дан глубокий анализ производственных отношений в деревне перед XV съездом ВКП(б), В. С. Немчинов, вопреки господствующей точке зрения, писал: «Сам по себе наем рабочей силы... не является достаточно точным классовым признаком» [3, с. 378], поскольку к найму прибегали в то время все классовые группы деревни. Аналогичная картина имела место также для найма и сдачи в аренду средств производства [Там же].

Эта статья Василия Сергеевича является блестящим образцом тщательного эмпирического анализа реальных экономических процессов. Органическое сочетание такого анализа с глубокими теоретическими исследованиями было присуще всему творчеству В. С. Немчинова, что и позволило ему в столь сконцентрированном виде сформулировать концепцию совершенствования хозяйственного механизма социалистической экономики.

Такое сочетание крайне важно обеспечить для выхода из кризисного состояния, в котором оказались сегодня как экономическая наука в целом, так и ее экономико-математическое направление. В его развитии же на рубеже 70—80-х годов произошел перекосяк в сторону общеконцептуальных разработок и образовался отрыв от эмпирического анализа фактического состояния дел, оказалась необеспеченной связь этих разработок с решением коренных проблем отношений собственности на современной стадии развития социалистического способа производства. Это тем более досадно, что многие идеи совершенствования экономических методов управления, зародившиеся в экономико-математических исследованиях, получили сегодня широкое общественное признание. Но сами идеи и методологические разработки, к сожалению, не были доведены до уровня конкретного инструментария повседневной работы экономистов. Ликвидация этого разрыва — первоочередная задача теоретических и прикладных исследований на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сталин И. В. Соч. Т. 12. М.: Госполитиздат, 1949.
2. Сталин И. В. Соч. Т. 11. М.: Госполитиздат, 1949.
3. Немчинов В. С. Избранные произведения. Т. 4. М.: Наука, 1967.

Поступила в редакцию
5 IX 1989

Альберт Львович ВАЙНШТЕЙН

Соловьев А. С.

(Москва)

60-е годы. Здание на Волхонке, занимаемое Институтом экономики и Институтом философии АН СССР. Первый этаж перестроенного дворца. Направо от лифта до столовой длинный, слабо освещенный коридор. Эти комнаты вдоль коридора первыми приняли когда-то предшественницу ЦЭМИ — Лабораторию экономико-математических исследований (ЛЭМИ) АН СССР, созданную, как и институт, акад. В. С. Немчиновым. Здесь помещались лаборатории ЦЭМИ, которые возглавляли: Б. Н. Михалевский, Б. Л. Исаев, Ю. Н. Гаврилец, Б. П. Суворов, редакция журнала «Экономика и математические методы».

Это было время утверждения экономико-математических методов. Молодыми были в большинстве своем руководители и лабораторий, и института — С. С. Шаталин, Ю. А. Олейник-Овод, да и сам директор Н. П. Федоренко. Совсем молодыми были сотрудники: экономисты, математики, программисты... В новое тогда направление экономической науки пришло немало людей знающих, уверенных в своих силах, смелых. Были и скептики. Однако атмосферу ЦЭМИ и его лабораторий на Волхонке определяли оптимизм, здоровый критицизм, острые, плодотворные дискуссии, низвержение рутины.

Был, может быть, и «перехлест». Молодые бравировали радикальностью еще не до конца сформированных взглядов. Гордились превосходством количественных интерпретаций и решений экономических задач над традиционными, хотя жизненность многого еще предстояло проверить и доказать. Было ощущение широкой перспективы. Рядом с молодыми работали маститые, почти легендарные старики — жрецы науки, носители нравственных ценностей, не сломленные сталинской мясорубкой. Среди них — Альберт Львович Вайнштейн.

Молодые обращались к Вайнштейну с неизменным почтением, теплотой. Между собой говорили о нем с любовью, в соответствии с московской вузовской традицией называя Альберт Вайнштейн, Альберт.

Альберт Львович Вайнштейн руководил семинаром молодых ученых ЦЭМИ. Он был одним из инициаторов и первой институтской научной конференции молодых ученых в 1966 г. Сохранились тезисы доклада с его пометками, блокнот участника конференции, карандашный набросок Альберта Львовича.

Альберт Львович поражал широтой знаний, заражал полнотой восприятия истории науки. Задаешь ему вообще-то простые вопросы. Надеешься и на простые ответы. Однако получаешь энциклопедическую справку и одновременно страницу из исторического романа. В них глубина эрудиции, сочность событий прошлого науки и общества, отголоски бурных научных споров 20-х годов, трагизм 30-х и 40-х, перипетии последующих лет. Вспоминаю два своих «почему», обращенные к А. Л. Вайнштейну.

Вопрос первый. Почему в курсе политической экономии М. И. Туган-Барановского, выдержанном в марксистской традиции, наряду с категорией «стоимость» активно применяется категория «ценность»? В вузов-